

СКАЗКА «ФИНИСТ ЯСНЫЙ СОКОЛ» (СУС 432) В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ И АВТОРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ

(Государственный Российский Дом народного творчества имени Д. В. Поленова: Российская Федерация, 101000, г. Москва, Сверчков переулок, д. 8, стр. 3)

Аннотация. В мировом фольклоре сюжетный тип ATU «The Prince as Bird / Принц-птица» 432 представлен у многих народов. Историю сюжета принято связывать с рыцарской поэзией Средневековья. Сюжет популярен в европейских, американских и азиатских сказочных традициях, однако русская версия имеет ряд особенностей. Помимо зафиксированных в указателе вариантов данного сюжетного типа, автор статьи выявил еще ряд текстов данного сюжетного типа. Выявлены и тексты, ошибочно причисляемые к сюжетному типу 432. Русская версия сюжета «Финист Ясный Сокол» популярна в устной и письменной традиции. Это полностью сформированный сюжет, который практически не подвергался трансформациям с 1795 г., когда один из вариантов сказки был впервые опубликован. Существовая в устном бытовании, сюжет редко соединяется с другими сюжетными типами. В основном такие контаминации являются проявлением индивидуального мастерства сказочника или свидетельством разрушения традиции. Сказка оказалась привлекательной и для авторской литературы, однако только Андрей Платонов сохранил структуру сказочного текста. В своем произведении писателю удалось продемонстрировать тенденции, происходящие с фольклорным текстом в 40 годы XX в. Другие авторы (Шестаков, Прокофьева, Токмакова, Шерман, Рубанов) активно использовали мотивы, присущие данному сюжетному типу, но не сохранили в своих произведениях сюжетного каркаса сказки.

Ключевые слова: волшебная сказка, сюжетный тип, фольклор и литература, фольклоризм.

Дата поступления статьи: 17 июля 2019 г.

Дата публикации: 10 декабря 2019 г.

Для цитирования: Добровольская В.Е. Сказка «Финист Ясный Сокол» (СУС 432) в русской фольклорной традиции и авторской литературе // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 113–127.

DOI: 10.26158/ТК.2019.20.5.009

Группа сказок о чудесном супруге занимает значительное место в русском сказочном репертуаре. Среди этой разновидности сказок есть сюжеты, где персонаж сохраняет антропоморфный облик и его чудесность проявляется в каких-то особых качествах.¹ Однако в большинстве текстов данной группы необычность

супруга связана именно с его особым, чаще всего звериным, обликом.

В русской сказочной традиции не все типы сюжетов о чудесном супруге одинаково распространены и популярны. Большинство сюжетов данной тематики представлены в указателе «Восточнославянская сказка» [СУС 1979] если не

¹ Так, например, в сказке сюжетного типа СУС 4002 Царь-девица даже не всегда богатырка. Она необыкновенная красавица, приплывающая из-за моря к своему жениху; он усыплен антагонистом, трижды просыпает свидание, что и является поводом отправиться на поиски героини.

единичными, то весьма немногочисленными записями. Безусловно, в вышедший в 1979 г. указатель не попали публикации сказочных текстов, увидевшие свет после выхода книги. Нет в нем и указаний на архивные материалы; в ряде случаев не учитываются и существовавшие на момент издания указателя тексты из региональной периодики.²

Анализ вариантов одного сюжета позволяет не только показать распространение того или иного сюжетного типа сказки в рамках этнической традиции, но и выявить вариации данного сюжета, ареалы его «сказочной активности» внутри локальной традиции, а также обнаружить неточности в атрибуции сказочных текстов.

Сюжет 432, которому посвящена данная статья, уникален для сказочной традиции. В мировом фольклоре сюжетный тип ATU «The Prince as Bird / Принц-птица» представлен у многих народов [ATU 2004]. Об этом же свидетельствует и «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» [Березкин,

Дувакин]. Если мы проанализируем имеющиеся варианты, то увидим, что мировой материал существенно отличается от русской версии данного сюжета.³ Отметим также, что в европейской традиции (и русская в данном случае не исключение) существенно богаче и разнообразнее представлены сюжеты о чудесном супруге, который предстает в образе зверя, а не птицы.

Историю сюжета 432 о принце-птице принято связывать с рыцарской поэзией Средневековья. Так, у Марии Французской в ее сборнике «Лэ Мари де Франс» («Les Lais de Marie de France») [Мария Французская 2011; Луценко] есть лэ «Йонек» («Yones»). Действие этой новеллы происходит в Южном Уэльсе. Прекрасная дева выдана замуж за старика, который заточил ее в башне. К ней начинает летать рыцарь Мулдумарек в образе ястреба. Старый муж дамы заметил перемены в жене, выследил ее любовника, поставил на него силки и смертельно ранил рыцаря, который летел в свой замок. Дама выпрыгнула из окна башни и по кровавому следу пришла в таинственный замок

² О том, что в СУС зафиксированы не все существующие записи, свидетельствуют и публикации сказочных текстов последних лет. Так, А. И. Бер-Глинкой были опубликованы материалы, расширяющие представление о бытовании у восточных славян сюжета СУС 672 «Корона змеи» и СУС 673 «Мясо змеи» [Бер-Глинка 2014, 125–139]. Существенно расширили представление о функционировании сюжетных типов СУС 425 А, 425 М, 451, 510В, 519, 532, 562 и др. в русской традиции наши статьи [Добровольская 2015а, 26–31; Добровольская 2015б, 133–142; Добровольская 2016а, 217–225; Добровольская 2016б, 3–14; Добровольская 2017а, 202–220; Добровольская 2017б, 4–7; Добровольская 2017в, 139–150; Добровольская 2018, 12–27; Добровольская 2019, 20–30], работы А. С. Лызловой [Лызлова 2013, 215–225; Лызлова 2017, 189–201] и публикация В. В. Запорожец [Запорожец 2017, 8] и Л. Г. Каяниди [Каяниди 2019, 34–37].

³ В ряде случаев к девушке летает птица, которая превращается в юношу. Но сюжет может развиваться по-разному. Так, у испанцев героиня сжигает кожу ворона, и тот улетает, после чего девушка отправляется на поиски героя. У каталонцев прилетающий юноша ранен из-за козней мачехи, и девушка ищет не столько его, сколько лекарство, способное его излечить. У итальянцев юноша сам с помощью заклятия превращается в канарейку, которую ранит мачеха, и девушка ищет лекарство, способное его исцелить. Французская версия представляет собой весьма запутанную историю о подменной невесте, полете в образе синей птицы от нелюбимой, но законной жены к любимой женщине, ранение и обмен мужа на диковинки. У немцев герой сначала предстает в образе льва, но, когда на него падает свет от свечи, становится голубем, которого могут ранить, а могут и не ранить, важно лишь, что за возвращение семейного счастья приходится отдать чудесные диковинки. В шведской сказке прилетающий в образе птицы юноша ранен, но он превращает девушку в птицу, и оба улетают в его страну. У датчан принц может не превращаться в птицу, а сделать себе крылья и на них прилетать к любимой. Но есть и другой вариант: Зеленый рыцарь дает отцу героини книгу, девушка читает ее, вызывает птицу, та, в свою очередь, превращается в юношу. Затем, после его ранения, она находит способ его вылечить. Наконец, у сицилийцев девушка может избавить юношу от птичьего облика, если будет его ждать семь лет в замке фей. Она ждет, но у нее пропадает красота, и юноша плюет на нее и исчезает. Феи возвращают ей красоту. Она находит своего жениха, он ее не узнает и влюбляется заново. Принцесса ставит ему условия, которые необходимо выполнить для замужества, юноша их выполняет. После этого уже девушка плюет на него, он узнает брошенную невесту, и она его прощает.

своего умирающего возлюбленного. Рыцарь просит даму уйти, но предсказывает, что у нее родится сын Йонек, который за него отомстит. Перед смертью он дает женщине кольцо, которое заставит ее мужа забыть о ее измене, и меч, который она должна отдать сыну, когда тот вырастет. Собственно, дальше реализуется другой сюжет — о сыне, мстящем за поруганную любовь матери и за убитого отца. Но в первой части лэ реализуется именно сюжет о чудесном юноше, летающем по ночам к деде, и противнике, который наносит ему раны. История сюжета о Йонекке более подробно рассмотрена в работе Эрнста Тегетофа [Tegethoff 1922].

В комментариях к сказке о Финисте, опубликованной в сборнике А. Н. Афанасьева [Афанасьев. 1985, 419], отмечено, что подобный сюжет есть и в стихотворной повести Гартмана фон дер Ауэ «Бедный Генрих» [Ауэ 1974, 581–617], однако в данном произведении нет интересующего нас мотива, связанного с юношей-птицей, ранением и ищущей девушкой. К. Е. Корепова [Корепова 1982, 4] в своей статье указывает еще на одну реализацию данного сюжета в европейской литературе — сказания о Лоэнгрине. С нашей точки зрения, данное предположение ошибочно. Герой немецких произведений о короле Артуре, прежде всего Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» [Эшенбах 1974, 261–581], сын Парцифала и рыцарь Грааля, не превращается в птицу, хотя к герцогине Брананта Эльзе он приплывает на лодке, которую тянет лебедь. Если мы обратимся к поэмам «Элиокса», «Беатриса», «Рыцарь Лебеда», то там мотив превращения юноши в птицу присутствует, но он не соответствует сюжету «Принц-птица». В нем злая свекровь снимает с мальчиков золотые цепи, одна из которых ломается. После этого дети превращаются в лебедей.

Только получив цепочки обратно, мальчики приобретают человеческий облик, а тот, чья цепочка оказывается сломанной, превратиться в человека не может, и требуются дополнительные магические манипуляции. Как видим, история о Рыцаре Лебеда существенно ближе к другому сказочному сюжету — 451 «Братья-вороны (лебеди, волки)».

У Базиле в его новелле «Принц Верде Прато» используется лишь отдельный мотив рассматриваемого сюжета [Базиле 2018, 181–186]. Герой не превращается в птицу, но ходит по ночам к своей возлюбленной Нелле по хрустальной галерее, которую завистливые сестры разбивают. Герой, пробираясь в дом возлюбленной, оказывается израненным, «а поскольку хрусталь был волшебным, раны оказались столь тяжелыми, что не могли помочь принцу человеческие врачевания». И тогда героиня отправилась на поиски лекарства, которым оказалось сало орков. Убив орка и добыв сало, Нелли вылечила принца.

Собственно, сходные мотивы можно найти и в других произведениях. Сюжет о принце-птице популярен в европейских, американских и азиатских сказочных традициях, однако русская версия данного сюжета имеет ряд особенностей.

Согласно СУС, варианты сюжетного типа о женихе-соколе функционируют только в русской сказочной традиции. В белорусской и украинской традициях сказки подобного типа не зафиксированы.

Сюжетная схема рассматриваемого сказочного типа следующая. У отца три дочери. Он отправляется на ярмарку и спрашивает, что купить дочерям в подарок. Старшие просят одежду или украшения, а младшая — перышко Финиста Ясна Сокола.⁴ Отец привозит подарки. Младшая дочь с помощью перышка вызывает

⁴ Чаще всего героиня просит именно перышко: «финифтяное перушко ясного сокола» [Старая погудка 2016, 19] «Фенисно-ясно-сокол-перышко» [Худяков 2001, 5], «фифилистово перышко» [Русские сказки Урала 1997, 68–72], «фефелищное сокола перышко» [Русские сказки Урала 1997, 61–67], «фифилисно перышко купи» [Зеленин 2015, 74], «перышко Фени-сокола» [Тумилевич 1958, 21] и т. д. Но в ряде случаев ситуация может быть иной. Так, в одном из текстов в сборнике А. Н. Афанасьева девушка просит у отца «аленький цветочек» [Афанасьев 1985, 235]. Аленький цветочек просит купить у отца и героиня сказки И. Ф. Ковалева [Ковалев 1941, 13]. В сборнике уральских сказок 1959 г. героиня просит отца привезти ей «перстенок с одним зеленым камушком, чтобы светло на душе от него было» [Сказки Урала 1959, 200–205]. Однако, несмотря на несвойственную данному сюжету предметную реалию, и аленький цветочек, и перстенок с зеленым камушком выполняют те же функции, что и перышко – они служат знаком вызова персонажа. Ср.: «Машенька сидит в светелке, колечком забавляется, с руки на руку переодевает.

Финиста, который оборачивается прекрасным юношей. Он приносит девушке чудесные наряды, в которых она появляется в церкви. Сестры узнают о прилетах Финиста, втыкают в окна острые предметы, которые ранят героя. Тот улетает. Девушка отправляется на его поиски, попадает в избушки сестер Ягинишен, получает от них чудесные диковинки, которые потом обменивает у противницы на ночи с Финистом. Героиню допускают к жениху, опоив того сонным зельем, но с третьей попытки юношу удается разбудить. Следует суд над противницей,⁵ и герои играют свадьбу.

Данная схема отнюдь не всегда реализуется в сказках полностью, но основные мотивы: получение пера, ранение Финиста, его поиски, купля ночей за диковинки — присутствуют в большинстве вариантов.

Варианты, отмеченные в СУС, скрупулезно разобраны в статье К. Е. Кореповой [Корепова 1982, 3–12], однако анализ текстов позволяет внести некоторые коррективы в группу сказок, которые, согласно указателю, причислены к рассматриваемому сюжету. В указателе сюжетов отмечено 20 текстов, относящихся к данному сюжетному типу. Однако текст из сборника Бронницына отнесен к данной группе ошибочно [Бронницын 2014, 5]. Действительно, здесь есть семья с тремя дочерьми, есть отец, который едет на ярмарку, и есть дочери, которые просят привезти с базара подарки. Есть и младшая дочь, подарком для которой должно стать «серебряное блюдечко да наливное яблочко». Однако подарок младшей дочери не вызывает Финиста. Чудесная диковинка выполняет другие функции: «...катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города, один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и

гор высота, и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются». Юноша-птица не появляется в этой сказке вообще, а героиню завистливые сестры убивают, на ее могиле вырастает тростиночка, из которой пастух делает дудочку, которая и рассказывает о злодеянии сестер. Таким образом, мы имеем дело не с сюжетом 432, а с сюжетом 780 «Чудесная дудочка». Именно так атрибутировала данный текст К. Е. Корепова в комментариях к переизданию сказок Бронницына [Корепова 2014, 165].⁶

В указателе отмечены две сказки А. Н. Корольковой [Королькова 1941, 29–37; Королькова 1969, 152–166]. К. Е. Корепова считает, что это синонимичные тексты. Однако анализ свидетельствует о том, что мы имеем дело с вариантами сказки одного сказочника. Заметим, что еще одна запись этого сюжета в исполнении Корольковой есть в сборнике «Фольклор Воронежской области» [Фольклор Воронежской области 1949, 317]. Тексты хотя и близки между собой, но тем не менее являются повторными записями рассматриваемого сюжета. Как видим в указателе не отмечен еще один текст Корольковой.⁷

Весьма условно к сюжетному типу 432 может быть отнесен текст из сборника Ончукова [Ончуков 1998, 89]. В этом тексте есть летающий юноша, но он не превращается в птицу, есть девушка, к которой он летает, и ножи на окнах. Но юноша не ранен. Он только «полполы и оторвал». Родители собираются повесить девушку за недостойное поведение, герой ее спасет и уносит в свое царство. Скорее уместно говорить об использовании сказочницей Устиньей из д. Кедрозеро отдельных мотивов, свойственных данному сюжету.

С точки зрения К. Е. Кореповой, тексты из сборника Д. М. Балашова не относятся к рассматриваемому сюжетному

Вдруг распахнулось окно, влетел в комнату молодой орел, стукнулся об пол, стал добрым молодцем» [Сказки Урала 1959, 200–205] / «И нечаянно она цветочком махнула. Как токо махнула, то вдруг в избу влетел красивый сокол и ударился об пол и превратился в такого красивого молодца, что ни в сказке сказать, ни пером описать, красоты неописанной» [Ковалев 1941, 13] / «А ночью младшая дочь вдруг как кинет перышко на пол — и к ней прилетел Финист, ударился о землю и превратился в красавца-принца» [Сокровища Московской земли 1998, 42].

⁵ В ряде вариантов герой предлагает судьям выбрать между двумя женщинами: одной — которая ради любимого проделала долгий и сложный путь, претерпев множество лишений, и другой — которая продала собственного мужа за чудесные диковинки.

⁶ К. Е. Корепова указала на то, что данный текст отнесен к сюжетному типу 432 ошибочно и в своей статье [Корепова 1982, 11].

⁷ Точнее он отмечен как синонимичный варианту 1941 г.

типу [Корепова 1982, 5]. Однако вряд ли с этим можно согласиться. Текст о Храброй Олекониде [Балашов 1970, 1] не имеет традиционного эпизода о поездке отца на ярмарку и получении младшей дочерью заветного перышка. Начало сказки типично для сюжета 552А «Животные-зятья». Мотив выдачи дочерей в далекое место, где «топорики падают», «где собачки лают» и «рыбу ловят», нужен для того, чтобы старушка-мать отправилась в гости к дочерям и узнала историю Олекониды. В этой истории нет мотива зависти сестер, но есть муж, который «прилетает у меня по ночам домой лебедью», есть причина, по которой он покидает жену (она сожгла лебединые перья), и есть поиски мужа, посещение избушек таинственных старух и получение от одной из них чудесной диковинки — скатерки-хлебосолки. И есть обмен чудесной диковинки на ночи с мужем. Следовательно, данный вариант имеет право быть причисленным к группе 432 прежде всего потому, что в данном тексте есть муж-птица. Текст № 59 из этого собрания представляет собой контаминацию сюжетов 425А «Амур и Психея» и 313Н* «Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов». Текст № 88 в первой части близок сюжетным типам 425. Героиня, попав в дом загадочной золотой головки, которая оказывается прекрасным молодцем, живет с ним в светлых комнатах, находящихся в дубе. Соскучившись по родным, молодец отпускает героиню домой, взяв с нее обещание не рассказывать об их жизни. Именно его героиня и нарушает. После чего сказочный сюжет развивается следующим образом: героиня выковывает «трои железны лапти, три железных шляпы и три железных посоха», отправляется на поиски мужа, посещает трех старух, живущих в избушках «на куриной ножке, на петушиной головке», получает от них чудесные диковинки, которые обменивает на ночи с Иваном-царевичем. Следовательно, и данный текст мог быть включен в круг текстов 432. Однако отсутствие юноши-птицы и наличие мотива нарушения запрета, которого нет в сюжете 432, позволяют отнести данный сюжет к группе 4001 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)». В варианте с женским персонажем он наиболее ярко реализуется именно в сюжетном

типе 432. Однако встречается и в других сказках. Сюжетный тип 4001 обычно не выступает как самостоятельный и комбинируется с другими, что собственно и произошло в данной сказке. Золотая головка — типичный образ для сказок Русского Севера, появляющийся в сюжетах о чудесном супруге. К сожалению, у нас недостаточно материала, чтобы говорить о самостоятельном подтипе сказок, но в любом случае данный текст не относится к рассматриваемому нами сюжетному типу. Текст 131 представляет собой контаминацию сюжетных типов 425А и 4001. Таким образом, из четырех текстов из сборника Балашова один должен быть включен в группу сюжетов 432.

Итак, из 20 текстов, отмеченных в указателе, сказка из сборника Бронницына и 3 записи из сборника Балашова [Бронницына 2014, 5; Балашов 1970, 59, 88 и 131] не являются вариантами рассматриваемого сюжетного типа. Два текста [Балашов 1970, 1, Ончуков 1998, 89] должны быть отнесены к сюжетному типу 432 с определенными оговорками. Тексты А. Н. Корольковой представляют собой варианты сюжета 432, но их не 2, а 3. В нашем распоряжении 17 вариантов, относящихся к сюжетному типу 432, два текста могут считаться таковыми с определенными оговорками.

Однако с момента публикации указателя «Восточнославянская сказка» и статьи К. Е. Кореповой были опубликованы еще несколько текстов данного сюжетного типа.

В сборнике «Фольклорные сокровища Московской земли» [Фольклорные сокровища Московской земли 1998, 42] опубликован текст, в котором есть отец, отправляющийся на базар и покупающий подарки дочерям, перышко Финиста, избушка Бабы Яги и три чудесных подарка: золотое яблочко, золотая иголочка и золотое веретенце. Отметим, что все три диковинки дарит героине одна Яга. Есть новая невеста, которая опаивает Финиста сонным зельем. Данный текст полностью соответствует сюжетной структуре. Однако он весьма схематичен, сказочник точно передает сюжет, но предпочитает не отвлекаться на детали.

Второй текст опубликован в сборнике «Фольклор Судогодского края» [Фольклор Судогодского края 1999, 21].

Начало данного текста ближе всего к сюжетному типу 510А «Золушка». Здесь есть мачеха, пачканье девушки золой, грязью и трудная задача: «мачеха смешала мак с золой и велела ей разбирать». Однако далее в сказочном сюжете реализуется другая сюжетная схема. Она получает (не ясно от кого и почему) перышко, кинув его на пол, девушка вызывает Финиста Ясен Сокола, который «стал ... к ней летать, подарки носить и с ней разговаривать». Сестры втыкают в окна «ножи булатные», герой о них поранился и улетел, а героиня отправилась на его поиски. Девушка посещает избушки трех сестер Ягинешен и получает от них три чудесные диковинки: золотое яблочко и серебряное блюдечко, веретенце, которое «само вертится, золотая нитка вьется», и иголочку, которая «сама вышивает, за собою ниточку тянет». На эти диковинки она обменивает ночи с Финистом. Невеста героя опаивает его сонным зельем, но на третий раз Финист его не пьет и воссоединяется со своей истинной возлюбленной. Данный текст также довольно схематичен. Т. А. Грошикова, рассказавшая эту сказку, знает и другие сюжеты (от нее было записано три текста). Все они не отличаются художественными особенностями и свидетельствуют о том, что сказочница рассказывает то, что она узнала от старших родственников, стараясь передать основные перипетии сюжета, не импровизируя и не добавляя в текст что-то свое. Сказки Татьяна Афанасьевна вспомнила по просьбе собирателя (она их давно никому не рассказывала) и соответственно в ряде случаев соединяла мотивы разных сюжетных типов. Именно этим и объясняется соединение в одном тексте мотивов, свойственных двум разным сюжетным типам.

В сборнике «Русские сказки Урала» [Русские сказки Урала 1997] есть два текста, атрибутированные как СУС 432. В одном тексте [Русские сказки Урала 1997, 61–67] отец привозит младшей дочери с базара «фефелищное сокола перышко». Однако это перышко не вызывает героя. Хранится оно в сундучке, который героиня открывает, и оттуда «выскочил мужичок на крылечко, свиснул по-молодецки, якнул по-богатырски. Неньки-маньки набежали: — Што тебе Иванушко царевский

сын? — Дак приведите мне тридцать три коня, принесите тридцать три воружья». После получения желаемого герой отправляется на охоту и привозит героини много дичи, которую та готовит. Завистливые сестры усыпляют героиню «какой-то мертвой булавочкой», и вот тут сказочник уточняет, что герой утром улетел и «прилетел, когда она спит». Можно предположить, что герой все-таки имеет орнитоморфный облик. Однако никаких ножей и иголок на окнах нет, а герой улетает потому, что не смог разбудить любимую и «осердился». Героиня отправляется на его поиски, посещает лесных старух, живущих в избушках на куречьих лодыжках, получает от них чудесные диковинки (золотой клубочек, шириночку, стульчик и мотовильце). С этим она приходит к Еге Егишне «за моря, за окяны» и обменивает золотые вещицы на ночь «с фефелищным соколом перышком». Герой спит, однако не напоенный сонным зельем, а усиленный с помощью пузырька с булавочкой, которые героиня находит на третью ночь, и ломает. Герой просыпается. После этого молодые люди убегают от Еги Егишны, обернувшись голубями и вылетев в трубу. Далее сказка развивается в соответствии с сюжетом 313Н*, однако героиня не бросает предметы, а создает их, взмахивая шириночкой, в том числе она создает мост, по которому герои переходят «море синее». Их противница заезжает на мост, и героиня «на леву-то махнула – мост-от провалился», и Ега провалилась в реку. Следовательно, данный текст представляет собой оригинальный вариант сюжетного типа 432 в контаминации с сюжетным типом 313Н*. Нетипичное соединение сюжетных типов и некоторая сбивчивость повествования, возможно, свидетельствуют о плохой памяти сказочницы⁸ или о том, что она давно не рассказывала данный сюжет.

Второй текст [Русские сказки Урала 1997, 68–72] интересен целым рядом особенностей. Отец привозит с базара младшей дочери «фифилистово перышко». Перышко вроде бы ни в кого не превращается и выполняет функцию чудесной диковинки, которая по просьбе девушки приносит ей наряды. Сестры ставят на окно ножичек, и тут выясняется, что

перышко имеет ножку: «...оно прилетело и принесло снарядец-то. Да ножку порезало о нош-то»... После этого перышко перестало откликаться на зов, и девушка отправилась его искать. Она посещает трех старух и узнает, что фифилистово перышко у одной из старух "дрова рубит, ходит". Старуха обращает девушку в солонку, и здесь становится ясно, что перышко — это человек, который приходит к старухе ужинать. На вторую ночь героиню превращают в кошечку, которая пробирается в кровать героя, когда тот ложится спать. Именно там у них и происходит финальный диалог: "— Што летать не стал ко мне? — Ножку, — говорит, — порезал", завершающий сказку. Несмотря на перечисленные особенности, текст относится к сюжетному типу 432, а непривычные детали можно рассматривать скорее как личное творчество сказочницы.

Еще интереснее реализуется рассматриваемый нами сюжет в тексте из сборника «Русские народные сказки Пермского края» [Русские народные сказки Пермского края 2004, 39]. Привезенное отцом с базара фифилисто ясно перышко, которое тот «сторговал за двадцать пять рублей», приносит младшей дочери мужика «ботинки маленькие, платье бархатное, все серебром вышитое, подшалок шолковый» и даже обеспечивает героине карету, но ни в кого не превращается. Девушка рассказывает о способностях перышка своим сестрам, и те, позавидовав ей, ставят на окно острые ножницы. Перышко прилетает на зов, режется и — «осердилось и улетело обратно». Девушка отправляется на поиски перышка, попадает в избушку к Бабе Яге, которая сообщает, что перышко будет сегодня у ее дочерей. Она дает девушке медное уячко и блюдечко и советует обменять его на ночь с перышком. Обмен состоялся, но и в этом случае перышко продолжает оставаться перышком: «Младшая дочь легла с перышком спать, а оно повернулось к стене... перышко не проснулось». Такая же история повторяется в доме второй Яги, где девушка «не могла перышко разбудить». В доме третьей Яги героиня прибегла к хитрости и «наклала в подушку иголок». Перышко

ночью повернулось «да иголками углолось» и, проснувшись, выслушало от младшей дочери историю своего ранения и «перестало сердиться». После этого девушка с перышком возвращается домой, и перышко опять носит ей красивые наряды, в том числе и ботинки хрустальные. В церкви красавицу видит царевич, хочет с ней познакомиться, девушка убегает, теряет ботиночек, по которому царевич ее и находит. Следовательно, перышко выполняет функцию феи-крестной, столь характерной для европейских сказок на сюжет 510А «Золушка». Данный текст представляет собой контаминацию двух сюжетных типов 432 и 510А, однако необходимо отметить, что причислить данный текст к типу 432 мы можем лишь с определенными допущениями.

В указателе сюжетных типов к сборнику «Сказки Водлозерья» [Сказки Водлозерья 2013] отмечены три текста, относящиеся к интересующему нас сюжетному типу. Два из них являются вариантами записи одной сказки от Анастасии Ивановны Пименовой [Сказки Водлозерья 2013, 50 и 14 (опись)]. Это сказка «Про Зарю Света Ясного Сокола» отнесена А. С. Лыловой к сюжетному типу 432. Действительно, вторая часть этой сказки типична для сказок о Финисте Ясном Соколе: героиня отправляется на поиски мужа, попадает в избушки к старухам и получает от них чудесные пята, прялочку с веретенцем и шелковых ниток с золотой иголкой. Отметим, что чудесными диковинками героиню не одаривают, а награждают за выполнение трудной задачи — девушка моет в бане змей, ужей, ящериц и червей (детей старух), — что характерно для сказок о мачехе и падчерице (СУС 480). Есть в этом тексте и обмен диковинок на ночь с героем, опаивание того сонным зельем, есть и счастливый финал. Но, как было отмечено выше, такое развитие сюжета характерно не только для СУС 432, но и для всех сказок с мотивом поиска чудесного супруга (СУС 4001). А вот в первой части указанием на принадлежность текста к интересующему нас сюжету, помимо имени персонажа Заря Ясный Сокол,⁹ являются слова бабушки-задворенки о том,

⁹ Сказки, в которых функционирует персонаж по имени Финист, отнюдь не всегда являются текстами рассматриваемого нами сюжетного типа. Так, для текстов, записанных в Карелии, довольно часто имя Финист или сходное с ним используется в сказках на сюжет 425А «Амур

что «по три ночки прилетал (курсив мой — В. Д.) к тебе Заря Ясный Сокол». Однако именно наличие юноши-птицы позволяет говорить о том, что данный текст относится к рассматриваемому нами типу.

Во втором тексте [Сказки Водлозерья 2013, 69] героиня просит привезти ей Филиста — ясного сокола, и сказочница отмечает: «Ну, а Филист — ясный сокол, не знаю, кем он там был». Этот персонаж «как всего навозил, добра всякого», на нем героиня ездит в церковь: «села на Филиста — ясного сокола и поехала». Зависть сестер проявляется в том, что у героини «отобрали этого Филиста — ясного сокола», но «он у них не жил, улетел». Таким образом, этот персонаж умеет летать. Однако не ясно, имеет ли он и антропоморфный облик. Героиня отправляется на его поиски, попадает в избушку к одной старушке, которая дает ей советы и дарит «золотое веретешечко да какую-то прялку, такую хорошую», которую героиня и меняет на ночь с Филистом. Лишь здесь становится понятно, что Филист имеет человеческий облик. Несмотря на такую запутанность повествования, данный текст представляет собой сюжетный тип 432.

Следовательно, к 17 текстам, бесспорно относящихся к сюжетному типу 432, нужно добавить еще 6, а к 2, относящимся к данному типу с определенными оговорками, еще один. К настоящему времени нами выявлено 26 текстов, в той или иной степени являющихся вариантами рассматриваемого в данной статье сюжетного типа.¹⁰ Из них в двух случаях мы имеем дело с вариантами, записанными от одного сказочника (это 3 текста А. И. Корольковой и 2 текста А. И. Пименовой). Два текста представляют собой контаминацию с сюжетным типом 510А, один с 313Н* и один с 552А. Отметим, что контаминации с другими сюжетными типами характерны для поздних записей, в то время как материал классических сборников в большинстве своем соответствует сюжетной схеме.

Сказка о Финисте, хотя и не относилась к ядру русского сказочного репертуара, привлекала внимание художников и писателей, а позднее кинематографистов. И если художники, прежде всего И. Я. Билибин, а за ним и современные книжные иллюстраторы старались строго следовать тексту сказки, то представители других видов искусств стали

и Психея» [Добровольская 2017в, 139–150]. Так, например, в сказке записанной от М. М. Ушаковой в д. Колгостров, старуха на вопрос героини о том, что за существо приходит к ней ночью и как ей увидеть его, говорит: «Это к тебе он и приходил. Он красавец-красавец, да писанный. Это Филист ясный сокол» [Русские народные сказки Пудожского края 1982, 21]. В сборнике «Удомельские сказки» есть текст, озаглавленный «Финист — Ясный Сокол» [Удомельские сказки 2008, 18–20]. Однако, несмотря на имя персонажа, данный текст относится к другому сюжетному типу, потому что вместо юноши-птицы, летающего к девушке, здесь действует другой персонаж: «днем как лягушонок, а ночью в человека превращался». Героиня сжигает лягушачью кожу и отправляется на поиски мужа. В данном случае сказка относится к довольно редкому сюжетному типу СУС 440 «Муж-рак (лягушка, жаба, уж, змей, червячок)».

¹⁰ Отметим, что еще ряд текстов имеется в архивных собраниях, например, в архиве ИРЛИ (Кол. 26, п. 3, № 6, зап. 1926), есть запись, сделанная М. Каминской от Н. Т. Зиновьевой (Сенногубский сельсовет, д. Зиновьево). Там же (Кол. 2, п. 3, № 100, Л. 200–201, зап. 1926) хранится запись, сделанная в Заонежской экспедиции И. В. Карнауковой и И. М. Левиной от А. А. Слепой (Шуныгский сельсовет, д. Шуныга-Бор) см. описи [Сказки Заонежья 1986, 257; Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор 2018, 639, 703]. В архиве Карельского научного центра, помимо опубликованных записей, есть и другие тексты сюжетного типа 432. Так, в материалах из Пудожья отмечено 4 текста на сюжет 432, хотя, судя по описанию, только два являются таковыми на самом деле (АКФ 133, 137 (М. И. Пименова, Пелгостров) и АКФ 92, 40 (М. Я. Голодова, Пудож). Два других текста (АКФ 92, 31 Пудож; АКФ23, 8, оба записанные в разное время от П. М. Шалиной), нуждаются в более детальном разборе, так как, судя по описанию, более близки к сюжетным типам 425А и 510А. В описи сказок Карельского Поморья также отмечены тексты, относящиеся к сюжетному типу 432. Сказка П. В. Микковой (Поньгома) относится к рассматриваемому сюжету. В ней есть и перо Пильвиста, привезенное с базара, и превращение перышка в юношу, и зависть сестер, и ранение, и поиски (АКФ 125, 78). Текст, записанный от К. И. Антоновой (Нюхча), является фрагментом сказки о Финисте (АКФ 126, 51). Более подробно об этом см. описи в сборниках сказок [Сказки Карельского Поморья 1974, 380, 403; Русские народные сказки Пудожского края 1982, 327, 332, 340].

активно импровизировать на тему данного сюжета.

Так, в 1939 г. Н. Я. Шестаков опубликовал пьесу «Финист — Ясный Сокол» [Советская драматургия 1950, 161–198], премьера которой состоялась в Москве. Пьеса была в репертуаре многих театров Советского Союза до конца XX в., а в 1975 г. на киностудии им. М. Горького режиссером Геннадием Васильевым по ней был снят одноименный фильм-сказка. Пьеса и фильм практически не совпадают со схемой сказочного повествования. Финист не оборачивается в птицу. Он пахарь и у него есть друг сокол, который предупреждает героя о врагах. Их предводитель, колдун Картаус — Рыжий Ус, и его приспешник Кастрюк превращают Финиста в чудовище. К счастью, у героя есть невеста Алenuшка, которая с помощью писаря Яшки расколдовывает Финиста. Кроме имени и сокола, пьеса и фильм никак не связаны со сказкой, хотя в них реализуется множество фольклорных элементов, связанных с другими фольклорными сюжетами.

Вольно со сказочным сюжетом обобщили и авторы другой пьесы — С. Л. Прокофьева и И. П. Токмакова («Финист Ясный Сокол» (Золотое перо) [Прокофьева, Токмакова 2010, 3–47]. У этих авторов Финист — лучший ученик Кощея. Он полюбил Дунюшку и подарил ей золотое перо, в котором заключена его жизнь и смерть. Наивная девушка показывает перо злым сестрам, и Финист возвращается в царство Кощея. Дунюшка идет искать любимого и обменивает свой смех, улыбку, песенку и облик на встречу с женихом. Несмотря на то что дочь Кощея Нерада получает внешность героини, ее смех и голос, Финист узнает свою истинную невесту «по печали великой». Если пьеса Н. Я. Шестакова и снятый по ней фильм практически не имеют никакого отношения к сказке, то пьеса С. Прокофьевой и И. Токмаковой ближе к традиционному сюжету. Несмотря на неожиданное художественное решение (отсылающее нас к

сказке Д. Крюса «Тим Таллер, или Проданный смех»),¹¹ помимо имени героя авторы сохранили главный сюжетный признак — чудесную способность героя превращаться в птицу. Сохранили они мотив обмена, однако вместо чудесных диковинок героине предлагается отдать эмоции и внешность.

Использовала русскую версию сказки и Жозефа Шерман в своем романе «The Shining Falcon» («Сияющий Сокол») [Sherman 1989]. В романе в жанре фэнтези используется не европейская, а именно русская версия сюжета о принце-птице. В книге появляется множество персонажей, несвойственных данному сказочному сюжету, но основные мотивы сюжетного типа в романе все-таки опознаются, хотя автор, конечно, в значительной степени использовала мотив поиска любимого, который принадлежит к миру демонических персонажей.

В рассмотренных выше произведениях авторы весьма вольно обращались со сказочным сюжетом, зачастую используя лишь имя персонажа или какие-то отдельные мотивы. Однако есть произведения, авторы которых работали с фольклорным материалом иначе.

В 1947 г. была опубликована сказка Андрея Платонова «Финист ясный сокол» [Волшебное кольцо 1960, 11–31]. В принципе данный текст представляет собой обработку сказки из сборника Афанасьева. Платонов сохранил сюжетную структуру, основные эпизоды и знаковые детали. Так, перышко отцу героини дарит таинственный старик, сестры втыкают в окна ножи и стекла, Марьюшка идет к Финисту в железных башмаках, с железным посохом и железным хлебом, ей помогают лесные старухи, жена Финиста обменивает ночи со своим мужем на чудесные диковинки и т. д. Однако Платонов добавил эпизод, который в тексте из сборника Афанасьева отсутствует, — это эпизод превращения героини в птицу. Марьюшка превращается в голубку и вместе с

¹¹ Книга, в свою очередь, отсылает к мотиву договора с чертом (имя барона Треча, прочтенное наоборот, указывает на истинную природу персонажа: Lefuet / Teufel — Треч / Черт), Треча называют Астарот, он говорит, что он член клуба Ваала, и т. д. В повести есть отсылки к легенде о докторе Фаусте, продавшем душу Дьяволу, и к повести Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемеля», который обменял свою тень на волшебный кошелек.

Финистом летит в дом своего отца.¹² В то же время в тексте много деталей, рассказывающих о жизни героини, ее взаимоотношениях с родственниками. Платонов дает подробные портреты персонажей, что народной сказке несвойственно. В тексте много психологических подробностей: героиня описывает свои чувства, говорит о своей любви к Финисту. Психологичен и пейзаж. По мере движения героини к царству Финиста он меняется: «... леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют», «земля вокруг нее вовсе чужая стала» [Платонов 1960, 14]. Если в народной сказке слушатели знают чужой мир, страшный и опасный, и сказочнику достаточно упомянуть, что это «другой мир», «иное царство», «тридцатое государство», то у Платонова чужой мир создается довольно подробными описаниями. Можно было бы согласиться с А. Нечаевым, что Платонов «уводит пересказ за пределы сказки» [Нечаев 1955, 44], но в современных записях сказок исполнители придают особое значение именно психологизму, взаимоотношениям героев, подробным описаниям, т. е. всему тому, что свойственно авторскому тексту. Скорее в настоящее время приходится говорить о перемещении сказки в область чистой литературы. И Платонов одним из первых уловил изменения, происходящие с фольклорным текстом, стремление сказочников к индивидуальности, свойственной авторскому творчеству. Эту особенность сказок А. Платонова отметил А. И. Кретов, указав на то, что писатель использовал тенденции развития народной сказки [Кретов 1970, 193–203].

Если Платонов старался следовать сюжету волшебной сказки и уловил тенденции, происходящие с фольклорным текстом в новую эпоху, то совсем по-другому реализован сюжет о юноше-птице в

романе Андрея Рубанова «Финист ясный сокол» [Рубанов 2019].

Автор отказался от следования сюжетной схеме сказки, и тем не менее данный сказочный тип прекрасно осознаваем в романе, который представляет собой три рассказа трех людей (точнее, двух людей и человека-птицы) о том, как девушка Марья ищет свою любовь.

Первый рассказ — это рассказ скомороха Ивана о том, как однажды, работая на празднике Ивана Купалы, он увидел, как младшая дочь кузнеца ушла с прекрасным юношей. В возлюбленном девушки скоморох опознал нелюдь, потому что «он шагает в чашу и пропадает, а из ветвей, хлопая сильными крыльями, вылетает сокол и ввинчивается в синее утро» [Рубанов 2019, 56].¹³ Из рассказа Ивана мы узнаем о птичелюдах: «Это оборотни. Больше чем люди. Люди — и одновременно птицы» [Рубанов 2019, 57]. Сестры героини, скоморохи и ловцы птиц пытаются поймать Финиста. Именно в момент ловли появляются ножи и силки в окне, на которых рассказчик видит «засохшую кровь... несколько мелких перьев и частицы пуха» [Рубанов 2019, 134]. Однако сестрами руководит не зависть, а забота о сестре (связь с нелюдем опасна) и страсть к порядку (младшая не может выйти замуж раньше старших). Все остальные помогают, потому что «есть обычай. Если нелюдь приходит в дом — надо прогонять сразу! Всем миром» [Рубанов 2019, 133]. Марья просит отца сковать ей железную обувь, посох и хлеб. Она видит во сне Финиста, который рассказывает, как его найти,¹⁴ и через некоторое время скоморох Иван узнает, что Марья отправилась на поиски Финиста.

Второй рассказ идет от лица воина Ивана Ремня. Он со своими спутниками идет бить змея (именно бить, чтобы не орал, поскольку от его крика «люди впадали в тоску и тревогу, дети плакали и по

¹² В европейском фольклоре подобный эпизод есть только у шведов (см. выше). А в русской он зафиксирован только в рассмотренном выше уральском тексте [Русские сказки Урала 1997, 61–67], где героиня тоже превращается в голубку.

¹³ Заметим, что и девушка описывается как существо иного мира, она особая и, видимо, поэтому избрана Финистом: « стоит с краю... а наряжена как птица, вокруг ше – веер из перьев, и вдоль локтей перья, и сзади на спине и пониже спины; в свете костров перья играют переливами, и младшая дочь кузнеца выглядит, как сбежавшая с верхнего неба божья жена» [Рубанов 2019, 51].

¹⁴ В сказочных текстах герой либо пишет кровью на окне, либо кричит, где его искать. Мотив получения информации во сне характерен скорее для мифологической или религиозной прозы.

ночам плохо спали, а у женщин скисала еда в горшках» [Рубанов 2019, 177]) и у старой ведьмы Язвы, в ее глухой избушке на столбах (которые потом, как положено, оказываются курьими ножками) находит Марью, которая сносила железные башмаки, стачала железный посох и сглодала железный хлеб. Герой узнает, что к Язве летает князь неба, отец Финиста. Когда-то у Язвы и князя был роман, но небесный правитель не взял в жены земную девушку, хотя и очень ее любил. Из дальнейшего рассказа становится известно, что сын князя ранен людьми, и раны не заживают,¹⁵ и что Язва должна приготовить лекарство из слюны змея. Язва и рассказывает героине, что Финист находится в небесном городе. В доме Язвы Марья встречается еще с одним нелюдем — «особенный нелюдь. Странный» [Рубанов 2019, 360].

Именно этот странный нелюдь — изгнанник из Ветрограда — разбойник по имени Соловей и доставит девушку к Финисту в небесный город. Он станет помогать ей: сначала пристроит ее служанкой в царский дворец, затем подарит веретено с золотой нитью и даст совет сплести из этой нити золотое платье для жены Финиста. В этой части меньше всего отсылок к сказочному сюжету, но именно здесь реализуется мотив суда, характерный для фольклорных сказок. Судьи должны выбрать между Марьей и Цесаркой, между той, которая проделала трудный путь, ища возлюбленного, и той, которая продала мужа за диковинки. Именно Соловей на суде говорит о том, что Цесарка продала Финиста за золото. И об этом же говорит сам Финист.

Как видим, Рубанов активно использовал все ключевые мотивы сюжета 432, хотя и включил их в другой контекст. Писатель превратил так называемую «женскую сказку» в мужскую историю, точнее, в три мужские истории. Ее рассказывают трое безнадежно влюбленных в Марью мужчин. И если у Платонова текст является возможным развитием фольклорной сказки, то у Рубанова это размышление на тему известного сюжета.

Итак, русский сказочный сюжет «Финист Ясный Сокол» популярен и в устной, и в письменной традиции. В русской сказочной традиции он представляет

собой полностью сформированный сюжет, который практически не подвергается трансформациям с 1795 г., когда текст сказки был впервые опубликован. До настоящего времени, существуя в устном бытовании, сюжет редко соединяется с другими сюжетными типами, и в основном такие контаминации являются проявлением индивидуального мастерства сказочника или свидетельством разрушения традиции. Индивидуальное творчество сказочника проявляется в имеющихся вариантах преимущественно в разнообразии описания предметного мира. Скорее всего, это связано с тем, что сюжет попал в устную традицию из книжного источника и именно книжная версия стала доминирующей.

Сказка оказалась привлекательной и для авторской литературы, однако только Андрей Платонов сохранил структуру сказочного текста. Безусловно, его сказка — это авторское произведение, в котором писатель продемонстрировал тенденции, происходящие с фольклорным текстом в новое время. Шестаков, Прокофьева, Токмакова, Шерман, Рубанов активно использовали мотивы сказки о «Финисте Ясном Соколе», но не сохранили в своих произведениях сюжетного каркаса сказки

Источники и материалы

Sherman 1989 — *Sherman J. The Shining Falcon*, N. Y., 1989.

Ауэ 1974 — Ауэ Г. фон. Бедный Генрих С. 581–616. // Средневековый роман и повесть. М., 1974. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая).

Афанасьев 1985 — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева Т. II. М., 1985.

Базиле 2018 — *Базиле Д.* Сказка сказок. Или Забава для малых ребят. СПб., 2016.

Балашов 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского Берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Бронницын 2014 — Русские народные сказки: Сборники Б. Бронницына и И. Сахарова. Иваново: Изд. товарищество «Роща Академии», 2014. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; Т. 15).

Волшебное кольцо 1960 — Волшебное кольцо: Русские сказки / Пересказал А. Платонов; Под общ. ред. М. Шолохова. М., 1960. С. 11–31.

Запорожец 2017 — Муж уж (кубанский вариант сказки) / Публ. В. В. Запорожец // Живая старина. 2017. № 1. С. 8.

¹⁵ Это типичная деталь для европейской версии сюжета, но в русских вариантах она не встречается.

Зеленин 2015 — Великоорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Иваново, 2015 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания; Т. 7).

Ковалев 1941 — Сказки И. Ф. Ковалева / Зап. и коммент. Э. Гофман и С. Минц. М., 1940. (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 11).

Каяниди 2019 — *Каяниди Л. Г.* Сказка типа 425М «Жена ужа» из Смоленской и Брестской областей // *Живая старина*. 2019. № 2. С. 34–37.

Королькова 1941 — Сказки А. Н. Корольковой / Зап., вступ. ст. и коммент В. А. Тонкова. Воронеж, 1941.

Королькова 1969 — Русские народные сказки: Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / Сост. и отв. ред. Э. В. Помранцева. М., 1969.

Луценко — Мария Французская и ее произведения / Матер. подгот. Мариной Луценко. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/kurtuaz/france/yonesc.htm> (дата обращения: 23.04.2019).

Мария Французская 2011 — *Мария Французская*. Двенадцать повестей / пер. со старофр. Вероники Долиной. М., 2011. 140 с.

Ончуков 1998 — Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб., 1998. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания; Т. 1).

Прокофьева, Токмакова 2010 — *Прокофьева С. Л., Токмакова И. П.* Финист ясный сокол (Золотое перо) // Пьесы по мотивам русских народных сказок. М. 2010. С. 3–47. (Я вхожу в мир искусств; Вып. 1).

Рубанов 2019 — *Рубанов А.* Финист — ясный сокол. М., 2019. (Проза Андрея Рубанова).

Русские народные сказки Пермского края 2004 — Русские народные сказки Пермского края / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2004.

Русские народные сказки Пудожского края 1982 — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

Русские сказки Урала 1997 — Русские сказки Урала: (Из фондов Свердловского областного Дома фольклора). Екатеринбург, 1997. (Традиционная народная культура Урала).

Сказки Водлозерья 2013 — Сказки Водлозерья / Сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2013. (Памятники русского фольклора Водлозерья).

Сказки Заонежья 1986 — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Сказки Карельского Поморья 1974 — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.

Сказки Урала 1959 — Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштум. Свердловск, 1959.

Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор 2018 — Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2018.

Советская драматургия 1950 — *Шестаков Н. Я.* Финист — Ясный Сокол // Советская драматургия: Репертуар театра юного зрителя; 3 т. Т. 1. М., Л., 1950. С. 161–198.

Сокровища московской земли 1998 — Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 3: Сказки и несказочная проза. М., 1998.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Тумилевич 1958 — Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собр. Ф. В. Тумилевич. Ростов-на-Дону, 1958.

Удомельские сказки 2008 — *Намзин А. Б.* Удомельские сказки. Удомля, Тверь, 2008. (Удомельский фольклор; вып. 1).

Фольклор Воронежской области 1949 — Фольклор Воронежской области / Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Фольклор Судогодского края 1999 — Сказочная традиция / Сост. и коммент. В. Е. Добровольской // Фольклор Судогодского края. М., 1999.

Худяков 2001 — *Худяков И. А.* Великоорусские сказки. Великоорусские загадки. СПб., 2001 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания; Т. 6).

Эшенбах 1974 — *Эшенбах В. фон.* Парцифал // Средневековый роман и повесть. М. 1974. С. 261–581.

ATU 2004 — The types of international folktales. A classification and bibliography. P. I–III. Helsinki, 2004.

Исследования

Tegethoff 1922 — *Tegethoff E.* Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche. Bonn; Leipzig. 1922.

Афанасьев коммент. 1985 — *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* Примечания. Перышко Финиста ясна сокола // Русские народные сказки А. Н. Афанасьева Т. II. М., 1985. С. 419.

Бер-Глинка 2014 — *Бер-Глинка А. И.* К типологии восточнославянских сказок о змеях № 672 и 673 по системе Аарне-Томпсона // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 125–139.

Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог.

URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 23.04.2019).

Добровольская 2015а — *Добровольская В. Е.* Сказка «Про раков» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» в контексте русских сказок СУС 425М // Вятский родник: Сб. фольклорных и краеведческих материалов. Киров: Кировский областной дом народного творчества, 2015. С. 26–31.

Добровольская 2015б — *Добровольская В. Е.* История фиксации сказки «Жена ужа» (СУС 425М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142.

Добровольская 2016а — *Добровольская В. Е.* Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Традиционная культура народов Поволжья: Матер. III Всерос. науч.практ. конф. с междунар. участием (9–11 февраля 2016 г.): В 2 ч. Ч. 1: А—К. Казань, 2016. С. 217–225.

Добровольская 2016б — *Добровольская В. Е.* Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) в контексте русской сказочной традиции // Народная культура и проблемы ее изучения. Сб. ст. Матер. рег. науч. конф. Воронеж, 2016. С. 3–14.

Добровольская 2017а — *Добровольская В. Е.* Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: сб. науч. статей. М., 2017. С. 202–220.

Добровольская 2017б — *Добровольская В. Е.* В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Живая старина. 2017. № 1. С. 4–7.

Добровольская 2017в — *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.

Добровольская 2018 — *Добровольская В. Е.* Мнимая и реальная инвалидность в русской волшебной сказке в контексте фольклорной традиции // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 12–27.

Добровольская 2019 — *Добровольская В. Е.* Сюжет ATU 510B «Peau d'Asne» / СУС 510B «Свиной чехол» в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. № 1. С. 20–30.

Корепова 1982 — *Корепова К. Е.* Русская сказка «Финист ясный сокол» и ее сюжетные параллели // Вопросы сюжета и композиции. Межвуз. сб. Горький, 1982. С. 3–12.

Кретов 1970 — *Кретов А. И.* Платонов в работе над сборником сказок «Волшебное кольцо» // Творчество Платонова: Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 193–203.

Лызлова 2013 — *Лызлова А. С.* К проблеме взаимоотношений русской устной фольклорной традиции и лубочной литературы: сказки о животных-зятях // IDIL. 2013. Т. 2. № 7. С. 215–225.

Лызлова 2017 — *Лызлова А. С.* «Сказка о Светлане Прекрасной» из репертуара И. Ф. Ковалева (д. Шадрин Нижегородской области) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: сб. науч. статей. М., 2017. С. 189–201.

Нечаев 1955 — *Нечаев А. Н.* О народных сказках в детской литературе // Об изданиях сказок для детей. М., 1955. С. 7–45.

Архивы

АКФ — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

© В. Е. Добровольская, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Добровольская В. Е. <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

Кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени Д. В. Поленова: Российская Федерация, 101000, г. Москва, Сверчков пер., д. 8, стр. 3; тел.: +7 (495) 624-25-53; e-mail: dobrovolska@inbox.ru

THE FAIRY TALE FINIST THE BRIGHT FALCON (CIP 432) IN THE RUSSIAN FOLKLORE TRADITION AND LITERATURE

VARVARA E. DOBROVOLSKAYA

(Polenov State Russian House of Folk Arts: 8–3, Sverchkov side-str., Moscow, 101000,
Russian Federation)

Summary. In world folklore, the plot type ATU “The Prince as Bird / Prince-Bird” 432 is represented in traditions of many peoples. The story is usually associated with the chivalry poetry of the Middle Ages. The plot is popular in European, American and Asian fairy – tale traditions, but the Russian version has a number of specific features. In addition to the variants of this plot type fixed in the index, the author of the article revealed a number of other texts of this plot type. In addition, texts erroneously assigned to plot type 432 were found and excepted. The Russian version of the plot “Finist the bright falcon” is popular in the oral and written tradition. This is a fully formed plot that has not undergone any transformation since 1795, when one of the versions of the tale was first published. While existing in purely oral tradition, the plot rarely connects with other plot types. Basically, such contamination is a manifestation of the individual skill of the storyteller or evidence of the destruction of tradition. The tale turned out to be attractive for the author’s literature; however, only Andrei Platonov retained the structure of the fabulous text. In his work, the writer was able to demonstrate the trends that occur with this folklore text in the 40s of the XX century. Other authors (Shestakov, Prokofiev, Tokmakova, Sherman? Rubanov) actively used the motifs inherent in this plot type, but did not save the fairy – tale story plot in their works.

Key words: fairy tale, plot type, folklore and literature, folklore.

Received: July 17, 2019.

Date of publication: December 10, 2019.

For citation: Dobrovolskaya V.E. The Fairy Tale Finist the Bright Falcon (CIP 432) in the Russian folklore tradition and literature. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 113–127 In Russian..

DOI: 10.26158/TK.2019.20.5.009

References

Tegethoff (1922) Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche. Bonn; Leipzig, 1922. In German.

Barag L. G., Novikov N. V. (ed., 1985) Primechaniya. Peryshko Finista yasna sokola [Notes. The feather of Finist the clear Falcon]. In: Russkie narodnyye skazki A. N. Afanas`yeva v trekh tomakh. [Russian folk tales of Afanasyev]. Vol. 2. Moscow. P. 419. In Russian.

Berezkin Yu.E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol`klorno-mifologicheskix motivov po arealam. Analiticheskij katalog [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas. Analytical directory]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (retrieved: 23.04.2019). In Russian.

Ber-Glinka A. I. (2014) K tipologii vostochnoslavjanskikh skazok o zmeyakh №672 i 673 po sisteme Aarne Thompsona [To the typology of East Slavic tales about snakes № 672 and 673 in the system of Aarne Thompson]. Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic review]. No. 1. Pp. 125–139. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2019) Syuzhet ATU 510B “Peau d’Asne” / SUS 510V “Svinoy chexol” v russkoy skazochnoy traditsii [The Plot of ATU 510B “Peau d’Asne” / 510B “Pig case” in the Russian fairy-tale tradition]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. No. 1. Pp. 20–30. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2017a) Tverskiye skazki ob uzhovoy neveste (SUS 425M) v kontekste obshcherusskoy skazochnoy traditsii [Tver tales of the snake bride (425M) in the context of Russian fairy tale tradition]. In: Folklor Bolshoy Volgi [Folklore Of The Big Volga]. Moscow. Pp. 202–220. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2017b) V dopolneniye k ukazatelyu skazochnykh syuzhetov: novyye zapisi skazki “Zhena uzha” (SUS 425M) [In addition to the index of fairy tales: new entries tales “Wife of the snake” (425M)]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 2017. No. 1. Pp. 4–7. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2017v) Syuzhet “Amur i Psixeya” (SUS 425A) v russkoy skazochnoy traditsii [The plot of “Cupid and Psyche” (425A) in the Russian fairy tradition]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. No. 3. Pp. 139–150. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015a) Skazka “Pro rak-ov” iz sbornika D. K. Zelenina “Velikorusskiye skazki Vyatskoy gubernii” v kontekste russkikh skazok SUS 425M [Tale “About crayfish” from the collection of D. K. Zelenin “The Great Russian tales of the Vyatka province” in the context of Russian fairy tales 425M]. In: Vyatskiy rodnik [Vyatka spring]. Kirov. Pp. 26–31. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015b) Istoriya fiksatsii skazki “Zhena uzha” (425M) u russkikh [History of fixing tales “Wife of the snake” (425M) in Russian]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture]. No. 4. Pp. 133–142. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2016a) Povolzhskiy varianty skazki “Zhena uzha” (SUS 425M) [Volga variants of the fairy tale “Wife of the snake” (425M)]. In: *Traditsionnaya kultura narodov Povolzhia* [Traditional culture of the Volga region]. Vol. 1. (A–K). Kazan. Pp. 217–225. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2016b). Voronezhskiy varianty skazki “Zhena uzha” (SUS 425 M) v kontekste russkoy skazochnoy traditsii [Voronezh options tales “The wife of the snake” (425M) in the context of the Russian fairy-tale tradition]. In: *Narodnaya kultura i problemy ee izucheniya. Sbornik statey.* [Folk culture and the problems of its study]. Voronezh. Pp. 3–14. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2018). Mnimaia i real'naiia invalidnost v russkoi volshebnoi skazke v kontekste folklornoj traditsii [Feigned and True Disability in the Russian Fairy Tale in the Context of Folklore Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2018. No. 1. Pp. 12–27. In Russian.

Korepova K. E. (1982). Russkaya skazka “Finist yasnyy sokol” i ee syuzhetnye paralleli [Russian fairy tale “Finist clear Falcon” and its plot Parallels]. In: *Voprosy syuzheta i kompozitsii* [Questions of plot and composition]. Mezhvuzovskiy sbornik. Gorkij. Pp. 3–12. In Russian.

Kretov A. I. (1970). A. Platonov v rabote nad sbornikom skazok “Volshebnoe kolczso” [A. Platonov in his work on the collection of fairy tales “The Magic ring”]. In: *Tvorchestvo Platonova* [Platonov’s Work]. Voronezh. 1970. Pp. 193–203. In Russian.

Lyzlova A. S. (2013) K probleme vzaimootnoshenij russkoy ustnoy folklornoj traditsii i lubochnoy literatury: skazki o zhivotnyx-zyatyax [On the problem of relations between the Russian oral folklore tradition and popular literature: tales of animals-sons-in-law]. *IDIL*. Vol. 2. No. 7. Pp. 215–225. In Russian.

Lyzlova A. S. (2017) “Skazka o Svetlane Prekrasnoy” iz repertuara I. F. Kovaleva (d. Shadrino Nizhegorodskoy oblasti) v kontekste iobshherusskoy skazochnoy traditsii [“The Tale of Svetlana the Beautiful” from the repertoire of I. F. Kovalev (v. Shadrino Nizhny Novgorod region) in the context ibsenesque fabulous tradition]. In: *Folklor Bolshoy Volgi* [Folklore of The Big Volga]. Moscow. Pp. 189–201. In Russian.

Nechaev A. N. (1955) O narodnyx skazkax v detskoj literature [About folk tales in children’s literature]. In: *Ob izdaniyax skazok dlya detey.* [About editions of fairy tales for children] Moscow. Pp. 7–45. In Russian.

© V. E. Dobrovolskaya, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Varvara E. Dobrovolskaya <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Tel.: +7 (495) 624-25-53; +7 (903) 126-54-83

8–3, Sverchkov side-str., Moscow, 101000, Russian Federation

PhD in Philology, Head of Sector of Intangible Cultural Heritage,

Polenov State Russian House of Folk Arts

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)